

Владимир Худяков знает немало гиссарских баллад. Им он и рассказчик, и герой. Обойдя едва ли не все «заповедные» вершины, любить их меньше не стал. И бережет их столь же истово, как в первые годы работы. Потому что с ранних лет знает: если от твоего дела зависят жизни (пусть даже жизнь зреющей травинки) – скупиться на собственную нельзя. **Владимир Худяков знает немало гиссарских баллад. Им он и рассказчик, и герой. Обойдя едва ли не все «заповедные» вершины, любить их меньше не стал. И бережет их столь же истово, как в первые годы работы. Потому что с ранних лет знает: если от твоего дела зависят жизни (пусть даже жизнь зреющей травинки) – скупиться на собственную нельзя.**

В двенадцать по полудню в доме у дяди Володи начинается перезвон. Это бьют часы, шестеренки которых он вытащил из безвременья. Часы, коих в доме великое множество, ходят исправно — раз покорившиеся руке хозяина, они более не пытаются сократить отпущенный им срок. Владимир Худяков – не часовых дел мастер, хоть и любит на досуге покорпеть над сломанным механизмом. С крошечными деталями его загрубевшие на работе руки управляются без труда – будто всю жизнь тонким искусством занимались. А Худяков вот уж шестнадцать лет в начальниках инспекторской службы Гиссарского заповедника – самого большого на территории страны — ходит: браконьеров на охраняемых землях ловит. Все заповедные восемьдесят с лишним тысяч гектаров бережет. С ружьем что с отверткой управляется. Какие уж тут часовые винтики, коли привинчен к матушке-земле охотою неизбывною да любовью неисповедимою? Ан, нет – слушаются его секундные стрелки, и он их слушает – слышит. Как шорох веток на деревьях. Как поступь зверя в горах. Как дыханье нерадивого нарушителя над неспущенным курком.

В детстве

Руки, ловкие да умелые, достались дяде Володе, как по-семейному называют его младшие знакомые, от матери. Она, вишь, тоже механизмы в исправность приводила, только не часовые – биологические: хирургом всю жизнь проработала. Знала не понаслышке, что от работы не деньги – жизни человеческие зависят. И сыну о том не раз говорила. Природное, как истинный врач, ценить умела – вплоть до того, что кипяченую воду детям пить не разрешала (зачем, мол, камни в почках растить), проточной, а посчастливиться – и родниковой – поила.

Сам Володя с ранних лет к живым просторам не равнодушен был. Близ заповедника (а дело было в Джамбульской области) рос. Чуть свободное от учебы время – на природу мчался. Ну, и мальчишеским инстинктам не противился – на охоту с соседом ходил. Старик его многому обучил. Заложит мальчонке уши ватой – и давай учить звуки распознавать. Володька и сяк вслушивается, и эдак — расслышит, наконец. Так слух у подопечного своего и развил. Затем вату в ноздри переместит – и той же азбукой по обонянию. До того довел, что ребенок зверя на

расстоянии стал чуять. Ну, а глаз острый ему от природы был дарован. Вышел охотничек – как в мультяшной песне поется: и нюх, как у собаки, и глаз, как у орла.

Только как ни любил Володя вольных просторов да первобытных красот, а не предугадал, что суждено ему в зрелости бродить по заповедным тропам. Как и положено советскому школьнику, комсомолец Худяков мечтал стать летчиком. Таковым, кстати, станет спустя много лет Худяков-младший военное училище, успешно его окончил и заколесил в погонах по всей советской стороне. И так, покуда не доколесил до Афганистана… До самого его пекла.

В бою и… в бою

Афганскими историями Владимир Александрович любопытных кормить не любит. Не та тема, чтоб байки о ней у костра рассказывать. Да, видывал смерть, да, сам от нее на волоске висел. Да, было тяжко – да так, что никакая военная подготовка поначалу не спасала. Да, выжил – стало быть, нужен был еще этому миру. И мир тоже, стало быть, был ему нужен. Ни жизнерадостности, ни стойкости война у Владимира Александровича не отняла. Но отняла его удивительный нюх, которым так восхищались худяковские друзья.

За ранением в голову последовало возвращение на Родину, а за ним — спустя некоторое время — оставление службы. Не гадал Худяков в ту пору, что долго ему еще придется бродить с оружием в горах – правда, отныне уж под мирным небом. Что снова придется не раз встречаться с неприятелем – правда, по счастью, уж не того страшного военного разлива.

В заповедник Владимир Александрович попал не сразу и не по собственному желанию. Уйдя в отставку, уехал в Узбекистан, долго и успешно работал главным инженером в Хлопкотресте. Но слухами о его неподкупности да принципиальности да боевых заслугах узбекистанская земля полнилась. Пригласили. Попросили. Уговорили. Воспоминания о славном полу-заповедном детстве сказались. Любовь к травушкам, которые прежде по запахам за несколько метров определял. Ну, и некогда принятая присяга: неизбывное — даже снявши погоны – желание защищать землю. Так и попал Владимир Худяков в Гиссарские просторы. Так в них и остался.

В заповедник Худяков пришел со своим уставом. Ибо устав был прост – живи по совести и по ней же работай. В ежовые рукавицы взял всех нерадивых сотрудников. О промыслах дурных разузнал быстро и принялся открыто, не исподтишка, с ними бороться. Враги, конечно же, появились незамедлительно. Сначала посыпались угрозы, следом – льстивые просьбы, красноречивые посулы. Ни первые, ни вторые, ни третьи Худякова не проняли. Кто-то стараниями нового главы инспекторов был навеки изгнан с заповедной территории, кому-то пришлось мириться с его жесткими, но справедливыми условиями. Не все срабатывались с таким начальником, но если срабатывались – то до настоящей дружбы.

Впрочем, даже с друзьями-подчиненными Владимир Александрович дружит особенно, по-худяковски. Выезжая с проверкой на участок, в известность никого не ставит – от греха подальше. Зарплаты-то у работников заповедника – ох, какие невысокие, нетрудно и в соблазн впасть. Чабана одного-другого на охраняемые земли за умеренную плату пустить. Чтоб не баловали – контроль нужен и не абы

какой, а умелый. Предупредишь, скажем, инспектора N о визите своем — он и подсуетится, следы нечестной деятельности своей подчистит. А врасплох такого захватишь – так уж пусть уповает на милость закона. Заповедник огромен, без умения внезапно вырастать из-под земли такой не защитишь. Что ж, тактике внезапности Худякова учить не приходится. Она ему и на войне жизнь спасала, и в работе не раз пригождалась.

Бежать по воде

Не то чудо, что видел Худяков, как люди по воде бегут, а то чудо, что сам он их к тому принудил. Подарили раз Владимиру Александровичу гидрокостюм с маской да аквалангом. Решил он его на озере в своих владениях опробовать. Приехал под вечер, палатку соорудил, к водице ночной пошел, глядь – а там сети стоят. Ну, — думает, — придется поутру, как улов явятся снимать, разбираться. Вытащил себе пару рыбешек — что уж раз такое дело! – поджарил, поужинал и спать лег. На рассвете проснулся, гидрокостюм надел и ушел под воду.

С первыми лучами солнца появились и нарушители. Расположились в лодке в метрах восьми от берега и за сети ухватились. Они, значит, вверх тянут, а Худяков – под водой — вниз. Нарушителям радость – думают, большая рыбина попалась. Удвоили усилия.

Худяков тоже не отстает. Те, что в лодке, от растерянности лбы себе тереть начали – не белый ведь кит под водой засел! А Худяков вдруг как всплывет перед ними на поверхность, да как вытянется над водой. А маска у него, надо сказать, необычная была – стилизованная под какое-то мифологическое чудище. Увидали нарушители это лох-несское чудовище – чуть духа не лишились. Один как закричит криком истошным, будто впрямь черта опознал, как припустит из лодки к берегу. И не вплавь – бегом, только пятки над водой сверкают. А второй глаза выпучил, как рыба из воды вытащенная, губами шевелит, а звука издать не может. Потом собрался с силами и за товарищем своим по воде поскакал. Как по беговой дорожке, добрался!

Чимчи

В другой раз к браконьеру Худякова вывел запах корейских солений чимчи. Хоть и подпортило ему ранение обонятельные способности, но именно он из компании инспекторов учуял среди нетронутой природы горько-острый запах этой пикантной закуски. Товарищи поначалу не поверили: мол, мерещится тебе, Володя, всякое. А Худяков обувь снял (чтоб тише передвигаться) и на запах пошел. Выглядывает из-под кустов – а под большой урючиной человек с ружьем сидит. Худяков в два счета со спины к нему пробрался, ружье с силой выхватил, так что браконьер даже опомниться не успел. Побледнел весь, дрожит, сопротивляться и не думает. «Ты кто?» — спросил его Худяков преспокойным тоном. «Я Ким» — машинально ответил горе-нарушитель. «Чимчи ел?» — съехидничал Владимир Александрович. «Ел…» — удивленно пробормотал браконьер. «То-то же» — наставительно проворчал Худяков.

В пути

Сам Владимир Александрович, бродя по Западным отрогам Гиссарского хребта (на которых раскинулся заповедник) обходится не только без экзотических лакомств, но и без пищи. Подпитывается лишь родниковой водой. И так от пяти до десяти дней. Умение обходится долгое время без еды вырабатывалось годами. Выработалось. С тех пор легкий на подъем Худяков проходит километры за километрами без сопровождения настойчивого ворчания желудка. Да и мысли о еде не тревожат бдительного настроя.

Правда, порой сама судьба оборачивается скатертью-самобранкой. Так раз Худякова накормил… снежный барс. Делился последний, признаться, не охотно, но уступил — из страха-уважения перед человеком. От убитого — на глазах у инспектора – козла Владимиру Александровичу достались две ноги. «В заповеднике живешь, — наставительно сказал Худяков барсу, злобно рыкающему в кустах, — делиться надо. Не зря же я тебя охраняю». Барс оказался понятливым – или трусливым – и защищать собственность не стал. Впрочем, козел был упитанным, так что и первый, и второй отужинали в тот вечер всласть.

Зверей Владимир Александрович не страшится. Не раз встречался с ними на узких тропинках. И медведями, и с волками, и с кабанами. Боязно было лишь поначалу. А потом понял: зверь на более сильного зверя просто так не бросится. А кто есть человек как не самый сильный зверь?

Не страшится и погоды. В рейдах не раз строил себе снежные логова. Наденет шерстяную одежу на голое тело, сверху – бушлат потеплее – и ночует под снегом. Так закалился, что, приехав в гости к друзьям, ночует у них зимой на балконе, где даже стены стынут. Жены друзей охают, ночами ходят проверять: живой ли? А их мужья только посмеиваются: знают, каков у них друг.

В размышлениях

«Пока заботится человек о природе, всего у него будет в достатке, — говорит Владимир Александрович, — Жаль, люди того не понимают. Считают природу собственностью, считают себя всемогущими да безнаказанными. Смотрят друг на друга – как один другого в дурном не обошел. Ожесточаются – и мир живой ожесточают. Если бьют птицу – то всю без разбора, если ловят рыбу – то до основания водоем опустошат. А ведь не у чужого – у самих себя отнимают. Продают свое будущее с молотка, так что даже глядеть в него страшно».

Посему Владимир Александрович предпочитает жить в настоящем. Беречь его. Любить. За усы, добродушие и внешнее сходство многие называют его Якубовичем. Редко задумываясь, что у нашего «Леонида Аркадьевича» Поле чудес попросторнее будет. Да и чудес в нем поболее. Потому что каждое – из земли. Потому что за каждое – не что пять сольдо, а хоть саму жизнь.

Алина ДАДАЕВА
источник — газета\»Леди\»
фото на sreda.uz Наталии ШУЛЕПИНОЙ

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий **Отменить ответ**

Читайте также

Еще статьи из Биоресурсы

Биоресурсы

В Узбекистане запрещена охота на редкие виды диких животных согласно списку

04.08.2026
465 просмотров

Об этом - в Постановлении Кабмина «О мерах по возмещению ущерба объектам животного мира, а также по охране редких и находящихся под высокой угрозой исчезновения видов диких животных» с 1.8.2026 до 1.1.2028 г.

Биоресурсы

Сколько может стоить утрата биоразнообразия?

30.07.2026
411 просмотров

Сокращение биоразнообразия и деградация экосистем могут заметно ухудшить финансовое положение государств, снизить их кредитные рейтинги и повысить стоимость заимствований.

Биоресурсы

Как видит ФАО будущее продовольственной безопасности

12.07.2026
687 просмотров

Сохранение нынешней модели хозяйствования усугубит деградацию почв, ускорит истощение запасов подземных вод и заставит аграриев активнее конкурировать с природными экосистемами за землю и воду.